

Приз журнала ELLE

18+

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Аделин Дьедоне

Аделин Дъедоне
Настоящая жизнь
Серия «Global Books.
Книги без границ»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50530734

Настоящая жизнь: Эксмо; М.; 2020

ISBN 978-5-04-106657-4

Аннотация

В безликом поселке Демо живут девочка и ее семья. У девочки есть маленький братик Жиль – ее отдушина. У нее есть безмолвная, покорная мать. У нее есть отец – жестокий хищник, любитель охоты. А у отца есть комната с трупами, где собраны чучела всех животных, которых он убил. Там, в углу, стоит желтоглазая гиена, и она – можно в этом не сомневаться – что-то замышляет. Однажды, когда они с братом идут купить мороженое, как делают часто, происходит трагический случай, который меняет Жилия навсегда. Когда мороженщик погибает, девочка слышит смех – нечеловеческий, зловещий, звучащий из ниоткуда. И ей придется с ним сразиться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Аделин Дьедоне

Настоящая жизнь

Adeline Dieudonne
LA VRAIE VIE

Copyright © Éditions l'Iconoclaste, 2018

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© Брагинская Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

В доме было четыре комнаты. Одна – моя, вторая – младшего брата Жиля, третья – родителей, а четвертая принадлежала трупам.

Олени, маралы, кабаны. Головы антилоп всех видов и размеров: спрингбоки, импалы, гну, орикс, личи. Несколько голов зебр.

На возвышении лежал лев, зубы его были сомкнуты на шею маленькой газели.

А в углу стояла гиена.

Хотя она была набита соломой, она жила – я в этом не

сомневалась, и она наслаждалась ужасом, который видела в глазах всех тех, кто встречался с ней взглядом.

На стенах, в рамках, висели изображения моего отца с ружьем в руке и убитыми им животными.

Он постоянно фотографировался в одной и той же позе, величественно и гордо поставив ногу на труп зверя, уперев одну руку в бок, а другой триумфально воздевая оружие. Он скорее напоминал вооруженного повстанца, опьяненного кровью жертв, чем почтенного отца семейства.

Жемчужиной его коллекции, его самой большой гордостью был, конечно, слоновий бивень. Однажды вечером я услышала, как он рассказывает матери о том, что само убийство было не самым трудным делом во всей этой истории. Вовсе нет. Убить слона было не сложнее, чем забить корову в переходе метро.

Сложность заключалась в другом: нужно было выйти на браконьеров и суметь ускользнуть от бдительных егерей.

И потом ведь нужно отделить бивни от еще теплой туши. Та еще скотобойня.

Это все влетело ему в копеечку. Я думаю, именно поэтому он так гордился своим трофеем. Убийство слона стоило так дорого, что ему пришлось поделить расходы пополам с каким-то типом. Каждый увез с собой по бивню.

Я любила гладить этот бивень. Он был таким большим, таким блестящим и прохладным. Но возможно было делать это только тайком от отца – он запрещал нам заходить в ком-

нату для трупов.

Отец был огромным мужчиной, широкоплечим, грубым, на вид – живодер живодером. Огромные узловатые руки. Этими руками он мог оторвать голову цыпленку так же легко, как будто открывал бутылку колы.

Кроме охоты, отец любил в жизни еще две вещи: телевизор и виски. И когда он не гонялся по всему миру за разными зверями, желая их убить, он пялился в здоровенный экран с колонками, который стоил как небольшой автомобиль, и прихлебывал «Гленфиддих» прямо из бутылки.

Вроде бы он разговаривал с моей матерью, но на самом деле ее вполне можно было бы заменить на фикус, и он бы не заметил разницы.

А мать панически боялась отца.

Я подозреваю, что, за исключением ее страсти к садоводству и разведению карликовых коз, это практически единственное, что я могу про нее поведать. Это была худая женщина с длинными жидкими волосами. Я не уверена, существовала ли она вообще до того момента, когда с ним встрети­лась. Думаю, да. Она, должно быть, напоминала примитивную форму жизни – одноклеточное, полупрозрачное создание. Амебу. С эктоплазмой, эндоплазмой, ядром и пищеварительной вакуолью. А за долгие годы жизни с моим отцом эта крошечная емкость постепенно наполнилась страхом.

Я всегда с напряженным интересом рассматривала их свадебные фотографии. Сколько себя помню, я вечно листала

семейный альбом, пытаюсь отыскать там хоть что-то. Хоть что-то, что могло бы объяснить этот странный союз. Любовь, ласку, радость, улыбку... Хоть что-то...

Так и не нашла. На этих снимках отец стоял почти в той же позе, что на фотографиях с охоты, только гордости на лице поменьше. Ну ясное дело, амеба – это так себе трофей. Поймать ее ничего не стоит: стакан, немного застоявшейся воды – и готово.

Видно, что маме моей во время свадьбы еще не было страшно. Скорее создавалось ощущение, что ее поставили тут, рядом с этим типом, как вазу – элемент интерьера.

Когда я повзрослела, я стала задаваться вопросом: каким образом эти двое смогли зачать двух детей? Меня и моего брата. Но я быстро перестала об этом думать, потому что в голову мне приходила только одна картина: вечер, кухня, он, воняя виски, лениво заваливает ее на стол, несколько мощных, грубых движений безо всякой реакции с ее стороны – и дело сделано.

Основной функцией матери было приготовление еды, и ее она тоже осуществляла совершенно как амеба. Еда получалась скучной, безвкусной и однообразной. С большим количеством майонеза. Сэндвичи с ветчиной и сыром, персики с тунцом, салат «Мимоза» и рыба в панировке с картофельным пюре. Вот основное меню.

За нашим садом были лес Повешенных детей и большая зелено-коричневая долина – два холма, образующие гигантскую букву V, на дне которой скапливались сухие листья. В глубине долины жила Моника. Мы с Жилем часто ходили к ней в гости. Она объяснила нам, что эта буква V – след от когтя дракона. Дракон процарапал эту долину, потому что обезумел от горя. Это было давным-давно. Моника замечательно рассказывала всякие истории. Ее седые длинные волосы танцевали, танцевали цветочки на платье, позвякивали браслеты на запястьях.

«Очень-очень давно неподалеку отсюда, на вершине горы, которая теперь разрушилась, жила пара гигантских драконов. Они любили друг друга так сильно, что ночью пели странные, но очень красивые песни, которые знают только драконы. Эти звуки внушали страх людям в долине. Услышав их, они не могли заснуть. Однажды ночью, когда двое влюбленных задремали, убаюканные песнями, они пришли – кретины с факелами и вилами – и убили самку.

Самец, обезумев от горя, разом испепелил долину, сжег всех: мужчин, женщин и детей. Все люди умерли. Потом в отчаянии он стал когтями царапать землю, образуя впадины. С тех пор растения вновь выросли на этой земле, и вновь

здесь стали жить люди, но следы его когтей остались до сих пор».

Действительно, в окрестных лесах и полях повсюду были разбросаны овраги разной глубины, напоминающие царапины.

Эта история напугала Жиля.

По вечерам он иногда стал приходить ко мне в постель. Тесно прижимался всем телом, ища защиты: ему казалось, что он слышит песнь дракона. Я объясняла ему, что это просто сказка, что на самом деле драконов не существует. Что Моника рассказывала это, потому что ей нравятся старинные легенды, но рассказ – выдумка.

В глубине души я сама тайно сомневалась в своих словах. И каждый раз, когда отец возвращался с охоты, я боялась, что он принесет голову самки дракона.

Чтобы успокоить Жиля, я изображала взрослую и шептала ему: «Всякие истории нужны для того, чтобы выпустить наружу наши страхи, так мы можем быть уверены, что в настоящей жизни этого не случится».

Я любила засыпать рядом с ним, вдыхая запах его мягких волос.

Жилу было шесть лет, мне – десять. Обычно братья и сестры то и дело ссорятся, ревнуют друг к другу, орут, ябедничают и дерутся. У нас все было не так. Я любила Жиля нежно, как мать. Я направляла его, объясняла ему все, что

знала сама, это была моя миссия старшей сестры. Самая чистая форма любви, которая существует.

Эта любовь не ожидает ничего в ответ. Она несокрушима и неистребима.

Он все время смеялся, показывая молочные белые зубки. И каждый раз его смех грел меня, как мини-электростанция. А я делала ему кукол из старых носков, сочиняла смешные истории, ставила целые спектакли для него одного. Еще я любила его щекотать. Чтобы слышать, как он смеется.

Смех Жиля способен был вылечить все душевные раны. Дом Моника наполовину оплетал плющ. Это было красиво. Иногда солнце освещало его через ветки, словно лаская светящимися пальцами. Я никогда не видела, чтобы мой дом ласкали солнечные пальцы. И ни один из домов в округе.

Мы обитали в поселке, который назывался Демо.

Сорок одинаковых серых строений, вытянутых рядами, как погребальные камни на кладбище.

Отец назвал его Дурдемо.

В шестидесятые годы на месте Демо было поле пшеницы.

В начале семидесятых жилое строительство, словно плесень, разрослось на нем с катастрофической скоростью: буквально за полгода. Это был пилотный проект, на пике тогдашней модной технологии сборных конструкций.

Демо. Демонстрация уж не знаю чего. В те времена люди, построившие эти дома, хотели что-то доказать. Может быть, тогда эти сооружения впечатляли. Но сейчас, двадцать лет

спустя, от них осталось одно уродство. Красота, если она и была, смылась дождями. Поселок состоял из одной улицы, которая шла квадратом – дома стояли внутри квадрата и вне его. А вокруг раскинулся лес Повешенных детей.

Наш дом стоял вне квадрата. Он выглядел немного лучше других, поскольку архитектор проектировал его для себя. Но он уже давно не жил здесь. Дом был побольше, чем остальные, и посветлее: с высокими застекленными эркерами. И еще в нем был подвал. В целом он имел довольно дурацкий вид, скажем прямо, но подвал оказался нужной штукой.

Благодаря ему подземные воды не поднимались до уровня стен и те не начинали гнить. Остальные дома в Демо пахли залежавшимся полотенцем, забытым в мешке с принадлежностями для бассейна.

У нас не воняло, но зато в доме жили трупы животных. Я иногда задумывалась: а не лучше ли дом, в котором воняет?

Сад у нас тоже был побольше, чем у других. На газоне имелся даже надувной бассейн. Он напоминал тучную даму, заснувшую на солнцепеке. Зимой отец сдувал его, и на лужайке оставался круг коричневой травы.

А в глубине сада, прямо перед лесом, был загон, где держали козочек. На склоне, покрытом вьющимся розмарином.

Козочек было три: Бисквитка, Жозетка и Мускатка. Но скоро их должно было стать пять: Мускатка была беременна.

Мать привела козла для спаривания, это была целая история – из-за отца. Иногда мать способна на удивительные ве-

щи. Когда речь заходила о ее козах, в ее нутре зарождалось некое подобие материнского инстинкта, позволяющее противостоять отцу.

Когда это происходило, на его лице появлялось выражение учителя, которого превзошел ученик. Он застывал с открытым ртом, тщетно пытаясь найти, что сказать в ответ.

Он знал, что каждая секунда промедления неуклонно разрушает его авторитет, как шар-баба разбивает дом, зараженный домовым грибок. Его раскрытый рот слегка кривился, и он издавал глухое рычание, словно разозленный фокстерьер. И мать понимала, что победила.

Она знала, что позже за это заплатит, но эта победа была важна для нее. При этом внешне мать не испытывала торжества; как ни в чем не бывало она возвращалась к своей обычной амебной деятельности.

Так вот, Мускатка понесла, и мы с Жилем возбужденно ждали наступления отела. Караулили малейшие признаки скорых родов.

Он смеялся, выслушивая мои объяснения по поводу процесса появления козлят на свет.

– Они вылезают из ее пиписьки. Будет похоже, как будто она какает, но вместо какашек появятся два ребеночка-козленка.

– А как они оказались в ее животе?

– Они не то чтобы там оказались, они их сделали вместе с тем козлом. Они были очень влюблены друг в друга.

– Но козел-то был у нас всего один день, козочка с ним даже толком не познакомилась, как они тогда могут быть влюблены?

– А, вот ты о чем... Так это и называется любовь с первого взгляда.

* * *

Если пройти через лес Повешенных детей и через поле таким образом, чтобы не заметил фермер, попадаешь на большой желтый песчаный холм. А если спуститься с него, цепляясь за торчащие корешки, попадаешь в лабиринт сломанных машин. Тут тем более нельзя допускать, чтобы тебя заметили.

Это было огромное кладбище металла. Я очень любила это место. Я гладила рукой каркасы и представляла себе сваленных в кучу зверей, неподвижных, но не утративших чувствительности. Иногда я разговаривала с ними. Особенно с новоприбывшими. Я говорила себе, что их, вероятно, нужно приободрить, успокоить. Жиль помогал мне. Вдвоем мы часами играли там, разговаривая с машинами.

Некоторые лежали здесь уже давно, поэтому с ними мы были хорошо знакомы. Одни – почти не испорченные, иные слегка поврежденные. Были и совершенно развороченные – капот всмятку, ходовая разбита. Словно их прожевала огромная собака. Больше всего я любила зеленую машину, у

которой не было ни крыши, ни сидений. Такое впечатление, что всю верхнюю часть сдуло напрочь, как пену с пивного бокала. Я вот думаю, что же могло ее снести без остатка? А Жиль очень любил Бумбуляку. Вот как он ее называл. Бумбуляка. Она и правда была прикольная.

Казалось, что ее поместили в гигантскую стиральную машину без воды. Она была помята повсюду, со всех сторон. Мы с Жилем залезали внутрь и представляли, что нас крутят в стиральной машине.

Я садилась за руль и кричала:

– Бумбуляка! Бумбуляка! Бумбуляка! – прыгая на сиденье, чтобы машина затряслась. И чудесный смех Жилия несся вверх – выше и выше, выше, чем вершина песчаного холма.

Мы знали, что в случае чего нам придется драпать: если хозяин нас услышит, он обязательно прибежит. Лабиринт принадлежал ему, а он не любил, что туда приходят играть.

Взрослые из Демо говорили нам, что он ставит волчьи капканы, чтобы ловить детей, играющих возле его машин. Так что мы все время внимательно глядели под ноги.

Когда ему удавалось нас услышать, он прибежал с воплем: «Это что такое?» И нужно было бежать как можно скорее, чтобы он не мог нас схватить, нужно было перемахнуть через холм, цепляясь за торчащие корни, борясь со страхом, сковывающим дыхание, и бежать-бежать-бежать как можно дальше от страшного «Это что такое?».

Он был жирным и тяжелым и не мог так же быстро, как

мы, вскарабкаться по песчаному склону.

Однажды Жиль уцепился за слишком тоненький корень, и тот обломился. Жиль съехал вниз, оказавшись в нескольких сантиметрах от громадных ручищ, которые потянулись схватить его. Он вскочил ловко, как кошка, я поймала его за рукав и потащила наверх, и мы избежали возмездия.

Когда мы оказались в безопасности, от перенесенного ужаса нас охватил безудержный смех. Мы побежали к Монике под сень плюща, чтобы рассказать ей эту историю.

Она посмеялась вместе с нами, но предупредила, что лучше ему не попадаться.

Моника встала перед нами – от нее, как всегда, пахло солнцем и пляжем – и своим гнусавым голосом, напоминающим старый клаксон, сказала:

– Маленькие упрямы, вы должны знать, что есть люди, с которыми лучше не связываться. Зарубите это себе на носу. Есть люди, которые хотят испортить вам жизнь, омрачить вашу радость, хотят сесть вам на шею, чтобы вы не могли летать. Держитесь подальше от таких людей. А он как раз из их племени.

Я засмеялась, потому что представила, как владелец автомобильного кладбища садится на шею к Жилю.

Потом мы вернулись в Демо, потому что услышали музыку. «Вальс цветов» Чайковского. Грузовичок продавца мороженого, точного как часы, появился в этот вечер, как в лю-

бой другой.

Мы пошли просить у отца денег.

Жиль всегда брал два шарика. Клубника-ваниль.

Я покупала шоколад-страчателла с кремом шантильи.

Но крем шантильи мне было брать запрещено. Не знаю уж почему, отец не разрешал мне его заказывать. Поэтому я быстренько слизывала его, пока мы шли до дома.

Это был наш секрет – его знали я, мой брат и милый месье из грузовичка. Очень старый человек – лысый, высокий и тощий, в коричневом вельветовом костюме.

Он всегда говорил нам своим рокочущим голосом, улыбаясь одними глазами:

– Ешьте побыстрее, волчата, а то растает, потому что солнце яркое, ветер сильный, для мороженого нет ничего хуже.

* * *

Однажды летним вечером мама приготовила персики с тунцом, мы ели их на террасе из голубого камня, выходящей в сад. Отец уже вышел из-за стола и расположился у телевизора с бутылкой «Гленфиддиха».

Он не любил проводить время с нами. Я думаю, что в этой семье никто не любил момент, когда вечером все собираются вместе за ужином. Но отец навязал нам этот ритуал, как и навязал его себе. Потому что так надо. Семья должна ужи-

нать вместе, в радость это или нет, все равно. Он видел это по телевизору. Вот только там у людей был счастливый вид. Особенно если они ужинали в пабе. Все спорили, смеялись. Люди были красивыми, они любили друг друга. Время, которое человек проводит с семьей, преподносилось как награда. Подобно конфетам «Ферреро Роше», это было лакомство, на которое человек имел право после долгих часов, проведенных на работе или в школе.

У нас эти семейные трапезы больше походили на наказание – вроде большого стакана мочи поутру, который ури-нотерапевты предлагают выпивать ежедневно для здоровья. Каждый вечер мы свято следовали ритуалу, будто это был церковный обряд. Отец смотрел новости, растолковывая матери каждый сюжет так, словно она не способна воспринять никакую информацию без его объяснений. Для отца выпуски новостей имели большое значение. Когда он комментировал их, ему казалось, что он принимает в них участие. Как будто мир ждет его заключений, чтобы начать развиваться в правильном направлении. Когда новости заканчивались, мать кричала:

– За стол!

Отец вставал с дивана, не выключая телевизора, и мы усаживались за стол, чтобы поесть в полной тишине.

Момент, когда отец вставал из-за стола, чтобы вернуться на диван, был для нас мигмом освобождения. И этот вечер ничем не отличался от всех других.

Мы с Жилем вышли из-за стола, чтобы пойти играть в сад. Этим вечером солнце ласкало землю нежным светом с запахом теплого меда.

В холле мать убирала клетку попугая, которого звали Коко. Я как-то попыталась ей сказать, что жестоко держать его в клетке. Тем более что попугаев в саду было полно. Они даже создавали некоторую проблему, поскольку съедали пищу маленьких птичек, вроде воробьев и синиц.

У нас они склевывали вишни на дереве прежде, чем те успевали созреть. Они появились в саду потому, что в нескольких километрах от Демо был зоопарк. Маленький зоопарк. Но он прогорел, поскольку недалеко от него построили парк аттракционов, который переманил всех посетителей.

Зверей продали в другие зоопарки. Но на попугаев всем было наплевать – и вдобавок их транспортировка стоила слишком дорого. Так что человек, который за все это отвечал, решил просто открыть клетку. Может быть, он думал, что они все равно умрут от холода. Но они не умерли. Наоборот, они адаптировались к местным условиям, свили гнезда, вывели птенцов. Они по-прежнему перемещались группой, тогда в небе появлялось большое зеленое облако. Было красиво. Шумно, но красиво.

Я никак не могла понять, почему же этот бедняжка Коко

должен торчать в клетке и смотреть, как другие развлекаются без него. Мать говорила, что это совершенно разные вещи, что он куплен в магазине, что он не приспособлен к жизни на улице. Да ну...

В общем, мать убирала клетку Коко.

Настал час «Вальса цветов» и мороженого.

Грузовичок остановился неподалеку от нашего дома.

Старый мороженщик был уже там, вокруг него толпился десяток детей.

Моника мне сказала, что он не такой, как владелец склада автомобилей. Он добрый. Когда она заговорила о нем, я заметила, что в ее глазах промелькнуло что-то необычное. Поскольку они оба были старыми, я сказала себе, что, возможно, в молодости между ними что-то было. Может быть, какая-нибудь красивая история любви, не получившая продолжения из-за древней семейной ссоры. Я в тот период глотала книжки издательства «Арлекин» одну за другой.

Когда мороженщик протянул Жилию его рожок клубника-ваниль, я посмотрела на его руки. Мне нравится смотреть на руки стариков – представлять себе, что такое тонкое, детальное устройство превращает их в отдельный механизм, что эти руки слушаются пожилого месье сами собой, никогда не подводя. Эта иллюзия внушала мне веру в нечто такое, что не выразить словами. Но это нечто меня успокаивало. И потом они были красивые. Тоненькая кожа обтягивала суставы, голубые вены бежали по запястьям, как ручьи.

Мороженщик поглядел на меня, улыбаясь одними глазами, и спросил:

– А тебе, маленький волчонок?

Он обращался ко мне. Заготовленный ответ уже пять минут вертелся у меня в голове. Не знаю уж почему, но, когда я просила мороженое, я не любила импровизировать. Мне обязательно нужно было, чтобы кто-то стоял в очереди передо мной, тогда у меня появлялось время выбрать то, что я хочу, и правильно построить фразу. Чтобы она вылетела бойко, без колебаний. Сегодня мы были в очереди последними, все остальные дети уже получили свое мороженое и ушли.

– Шоколад-страчателла в рожке с кремом шантильи, пожалуйста, месье.

– С кремом шантильи, мадемуазель! Уж конечно...

Он подмигнул мне при слове «шантильи», чтобы подтвердить, что это наш с ним секрет.

Тогда его руки, два верных пса, принялись за работу, вновь, в сотысячный раз, повторяя свой маленький танец. Рожок, ложечка для мороженого, шарик шоколадного, бокал теплой воды, шарик страчателлы, сифон... Настоящий сифон, с домашним кремом шантильи.

Старик склонился, чтобы положить изящный завиток крема поверх моих шариков. Его большие голубые глаза широко открыты, взгляд прикован к воздушной спирали, щека его почти касается сифона, жесты – точны и грациозны. Рука –

совсем рядом с лицом. В тот самый момент, когда он укладывал последний мазок крема, в тот самый момент, когда его палец почти ослабил давление на кнопку, в тот самый момент, когда старик уже собирался выпрямиться, сифон взорвался. Бабах. Я помню шум. Прежде всего меня испугал шум. Стены домов в Демо сотряслись от него. Мое сердце замерло и на миг перестало биться. Взрыв, казалось, было слышно даже в глубине леса Повешенных детей, возле самого дома Моники. А потом я увидела лицо милого пожилого месье. Сифон врезался в него, как машина в фасад здания. Снесло буквально половину. Лысый череп остался нетронутым. Но лицо представляло собой месиво из костей и мяса. Остался только один глаз в орбите. Я хорошо его рассмотрела. У меня было время это сделать. В нем застыло удивленное выражение, в этом глазу. Старик еще две секунды стоял на ногах, словно телу нужно было привыкнуть к мысли, что его венчает месиво из костей и мяса. Потом он рухнул наземь.

Это походило на какую-то глупую шутку. Я даже услышала смех. Но это не был реальный смех. И это был не мой смех, вот уж точно. Думаю, это была сама смерть. Или судьба. Или что-то подобное, что-то огромное, гораздо больше, чем я. Сверхъестественная сила, которая все решает и которая была в этот день шаловливо настроена. Она решила немного посмеяться над лицом старика.

А потом я уже ничего не помню. Я закричала. Прибежали

люди. Они кричали тоже. Пришел отец. Жиль стоял на месте не шевелясь. Его огромные глаза были широко распахнуты, маленькая ручка стискивала рожок с мороженым клубника-ваниль.

Какого-то мужчину вырвало дыней с пармской ветчиной.

Прибыла «Скорая помощь», за ней санитары.

Отец отвел нас домой. По дороге мы молчали.

Мать подметала перед клеткой Коко.

Отец вновь уселся на свое место перед телевизором.

Я взяла Жилия за руку и отвела в загон к козочкам. Глядя в одну точку и приоткрыв рот, он шел за мной как сомнамбула.

Все казалось мне каким-то нереальным. Сад, бассейн, розмарин, наступающая ночь. Или, вернее, все выглядело озаренным какой-то новой реальностью. Дикой реальностью мяса и крови, боли и безжалостного, прямолинейного хода времени. И главное, эта реальность принадлежала той силе, чей смех я слышала, когда старик свалился на пол. Этот смех, который звучал из ниоткуда. Смех, который был везде, во всем, так же как эта сила. Она могла отыскать меня где угодно.

Никуда не спрячешься. А раз я не могу спрятаться, ничего не существует. Ничего, кроме крови и ужаса.

Я захотела пойти к козочкам, поскольку надеялась, что их травоядная невозмутимость как-то вернет меня к реальности и успокоит.

Они втроем паслись в загоне. На ветвях вишни сидели

несколько попугаев. Ничто больше не имело смысла. Моя реальность рассыпалась в прах. Головокружительное небытие, выхода из которого не видно. Настолько осязаемое небытие, что я чувствовала, как его пол, стены и потолок давят на меня. Меня охватила жуткая паника, я задыхалась. Мне так хотелось, чтобы кто-то взрослый взял меня за руку и отвел в кровать. Восстановил прежние реперы в моем существовании. Объяснил мне, что у этого дня будет завтра, а потом послезавтра, и со временем моя жизнь обретет прежний вид. Что ужас и кровь постепенно забудутся.

Но никто не пришел.

Попугаи ели вишни, которые еще не успели созреть.

Жиль стоял рядом, по-прежнему – с открытым ртом и выпученными глазами, стиснув в кулачке рожок с потеками растаявшего клубничного и ванильного мороженого.

Я сказала себе, что раз уж никто не отведет меня за руку в постель, я могу сделать это для Жилия. Мне хотелось поговорить с ним, успокоить, но я не могла произнести ни слова. Страх все еще сковывал мое горло. Я отвела его в свою комнату, и мы вдвоем улеглись в кровать. Окно выходило в сад, на загон с козами и на лес. Ветер качал дуб, и его тень плясала на полу комнаты.

Я не могла уснуть. В какой-то момент я услышала, как мать поднялась в спальню. Через час туда же прошел и отец. Они никогда не шли спать одновременно. Но всегда спали в одной постели. Я думаю, этот обычай входил в пакет «нор-

мальная семья», как и совместные обеды. Я иногда задавалась вопросом, бывают ли между ними моменты нежности. Как между Жилем и мной, например. Я желала им чего-то подобного, но не слишком в это верила. Невозможно представить себе жизнь без нежности, особенно в такие вечера, как этот.

Я смотрела, как каждая следующая секунда прогоняет предыдущую на моем радиобудильнике. Они казались все более долгими. Меня тошнило. Но не хотелось вставать, ведь я могла разбудить Жюля, если он уже заснул. Он повернулся ко мне спиной, и я не видела его глаз.

К пяти часам утра меня что-то поманило наружу, сработала интуиция.

Я спустилась в сад. Темнота пугала меня больше, чем обычно. Я представляла себе Жутких Существ, таящихся в сумраке под деревьями, и как они готовы сожрать мое лицо, чтобы оно походило на лицо того мороженщика.

Я дошла до загона с козочками.

Мускатка стояла несколько в стороне. Под ее хвостом появился длинный слизистый след. ***

Я вернулась в свою спальню.

«Жиль, детишки уже на подходе».

Эти слова – первые, которые я произнесла с того момента, как заказала мороженое с шантильи, – прозвучали как-то

странно. Словно прилетели из прежнего, исчезнувшего мира.

Жиль никак не отреагировал.

Я пошла и разбудила мать, она сразу очень возбудилась и побежала вниз.

Не знаю, как описать перевозбужденную амёбу. Это что-то беспорядочное, суетливое и неловкое. Оно много и громко говорит, носится туда-сюда. Теплая вода. Камфорный спирт. Изобетадин. Марлевые салфетки. Тачка. Солома...

Я вынула Жилия из постели, чтобы он пошел и посмотрел.

Пока я за ним ходила, вылезли два маленьких копытца. Потом мордочка. Мускатка тужилась и бляяла, тужилась и бляяла. Видно было, что ей больно. И очень трудно. Потом внезапно козленок выскользнул и упал к ее ногам. Она снова принялась тужиться и бляять, бляять и тужиться. И мы почувствовали странный запах. Приторный запах тела и внутренностей. Вывалился второй малыш. Мускатка встала на ноги, и, пока она вылизывала козлят, из нее выползла какая-то жирная и тягучая коричневатая масса и тяжело упала на землю. Мускатка обернулась и начала пожирать эту массу, вылезшую из ее тела.

Приторный запах сделался сильнее. Казалось, он исходит из живота Мускатки и заполняет всю земную атмосферу. Я никак не могла уразуметь, как может такая маленькая козочка производить столько запаха.

Мать встала на четвереньки и начала целовать козлят. Два

мальчика. Она обцеловывала их липкие тельца, терлась о них лицом.

Потом, не вставая с колен, она обернулась ко мне (лицо ее было перепачкано околоплодными водами) и объявила:
– Назовем их Кумин и Паприка.

* * *

В следующие дни было жарко. Белое солнце шпарило с пустого высокого неба.

Отец нервничал. Он возвращался с работы, хмуря лоб. Я уже заметила, что он становится таким, если долго не ездил на охоту.

Он хлопнул входной дверью, бросил ключи и сумку, потом начал искать... повод, чтобы выплеснуть весь накопившийся гнев. Он заходил во все комнаты, внимательно осматривал все углы, пол, мебель, мать, Жилия, Коко и меня. Вынюхивал, как гончая собака. В эти моменты мы все понимали, что нужно разойтись по комнатам, замереть, исчезнуть. Но мать не могла этого сделать, она должна была готовить еду. Иногда он удовлетворялся тем, что злобно бурчал что-то себе под нос, и отправлялся на свое место перед телевизором. Так могло продолжаться несколько дней подряд. Атмосфера накалялась.

И в конце концов он всегда находил, к чему придраться.
– Это еще что?

Свой вопрос он обычно задавал тихо, едва слышно.

Мать знала: что бы она ни ответила, будет плохо. Но она всегда отвечала.

– Макароны с сыром и ветчиной.

Он по-прежнему говорил тихо-тихо.

– А почему ты приготовила макароны с сыром и ветчиной?

И чем тише он говорил, тем ужасней был грядущий гнев.

Я думаю, для матери именно этот момент был самым страшным. Когда она знала, что это вот-вот случится, а он смотрел на нее в упор, наслаждаясь ее страхом. Он представлял дело так, словно все зависело от ее ответа. Это была такая игра. Но мать проигрывала в ней при любом исходе.

– Ну потому что все их любят, и потому...

– КТО ЭТО ВСЕ? КТО ЖЕ ЭТО ТАКИЕ «ВСЕ»?

Все, партия. Теперь она могла надеяться только на то, что гнев отца выльется исключительно в крик. Вернее, это скорее заслуживало названия «рев». Голос отца был оглушительен, он вырывался из глотки и пожирал мать целиком. Он разрезал ее на кусочки, и эти кусочки исчезали один за другим.

И мать соглашалась окончательно исчезнуть.

А если рева оказывалось недостаточно, в ход вступали кулаки. Они работали до тех пор, пока гнев окончательно не покидал отца. Мать после этого всегда неподвижно лежала на земле... Она была похожа на пустую наволочку.

После этого мы могли быть уверены, что у нас впереди несколько недель спокойной жизни.

Думаю, отец не любил свою работу. Он был бухгалтером в том самом парке аттракционов, который привел зоопарк к краху. Как говорится, «сильные поедают слабых». Казалось, ему это нравится. «Сильные поедают слабых».

Мне казалось невероятным, что отец работает в парке аттракционов. Утром, когда я уходила в школу, я говорила себе: «Мой отец проведет целый день в парке аттракционов».

Мать не работала. Она занималась козами, садом, Коко и нами. Ей было наплевать, есть у нее личные деньги или нет. Пока можно было оплатить по кредитной карте.

Казалось, мать совсем не смущает пустота. И отсутствие любви в том числе.

Грузовичок мороженщика так и оставался долгое время припаркованным возле нашего дома.

Я по этому поводу задавалась множеством вопросов.

Кто будет в нем убираться? И когда там наконец уберутся, что сделают с ведром, в котором вместе с пеной и водой окажутся кровь, кусочки костей и мозгов? Выльют ли воду на могилу старика, чтобы все его кусочки были вместе?

И растаяло ли все мороженое, которое было в холодильнике?

И если оно не растаяло, будет ли кто-то его есть?

И может ли полиция посадить в тюрьму девочку за то, что

она попросила крем шантильи на мороженое?

И расскажут ли они об этом отцу?

Дома мы никогда не говорили про смерть старого мороженщика.

Может быть, мои родители подумали, что лучшей реакцией будет сделать вид, что ничего не произошло.

Или может быть, они подумали, что рождение козлят отвлекло нас и мы забыли про лицо, превратившееся в кусок мяса.

Но я думаю, что в действительности они об этом даже не задумывались.

Жиль за три дня не произнес ни слова.

Я не решалась даже взглянуть в его огромные зеленые глаза, потому что уверена была, что увижу в них крутящийся на повторе фильм про взрывающееся лицо.

Он больше не ел. Картофельное пюре и рыба в панировке стыли на тарелке.

* * *

Повсюду веяло приторным духом Мускаткиного чрева.

Я думаю, что на самом-то деле веяло в основном в моей голове. Но я сохранила от этого лета воспоминание об этом прилипчивом, стойком запахе, который преследовал меня

даже во сне.

Стоял июль, но ночи казались темнее и холоднее, чем зимой.

Жиль приходил ко мне в кровать каждый вечер. Зарываясь носом в его волосы, я практически слышала его кошмары. Я бы отдала все на свете за то, чтобы повернуть время вспять, чтобы вновь вернуться в тот момент, когда я заказала мороженое. Я представляла себе эту сцену тысячи раз.

Сцену, когда я говорю мороженщику: «Шоколад-страчателла, в рожке, пожалуйста, месье».

И он спрашивает меня: «Сегодня без шантильи, мадемуазель?»

И я отвечаю: «Нет, спасибо, месье».

И мою планету не засасывает черная дыра. И лицо старика не взрывается перед моим домом на глазах у моего маленького брата. И я вновь слышу «Вальс цветов» на следующий день и все следующие дни, и история на этом заканчивается. А Жиль – улыбается.

Я вдруг вспомнила фильм, который видела когда-то давно, в нем ученый, немного сумасшедший, изобрел машину, с помощью которой можно путешествовать во времени. Он построил ее из какой-то старой колываги, там была куча проволоки, и надо было ехать быстро-быстро. Но у него получилось.

Тогда я решила, что я тоже изобрету машину, и буду пу-

тешествовать во времени, и наведу порядок во всей этой истории.

Начиная с этого момента я стала видеть свою жизнь не более чем тупиковой ветвью развития, черновиком, который нужно переписать набело, и мне стало как-то полегче.

Я сказала себе, что, пока машина еще не готова и пока еще невозможно вернуться назад в тот момент, мне необходимо выдернуть братика из безмолвия.

Я привела его в лабиринт, прямиком к Бумбуляке.

– Садись.

Он покорно сел.

Я заняла место за рулем, встала коленями на сиденье и стала изо всех сил прыгать на нем. Я трясла машину сильно, как никогда.

– Бумбуляка! Бумбуля-аааака! Бумбуля-ааааака! Давай, Жиль! Бумбуля-аааака!

Он сидел рядом безучастно, не реагируя ни на что, и его большие зеленые глаза были пусты. Он выглядел таким усталым...

Хорошо, что нас не услышал владелец лабиринта, – в таком состоянии Жиль дал бы себя поймать, даже не попытавшись оказать сопротивление.

Дома я наделала новых марионеток, сочинила новые истории. Он садился передо мной, мой маленький зритель. Я рассказывала ему о принцессах, которые путаются в своих длин-

ных пышных юбках, прекрасных принцах, которые неожиданно пукают, о драконах, которых охватила икота...

В конце концов, сама не знаю почему, я отвела его в комнату трупов. Отец был на работе, а мать ушла в магазин за продуктами.

Когда мы вошли в комнату, я спиной почувствовала взгляд гиены. Я старательно избегала встречаться с ней глазами.

Именно в этот момент я все поняла.

Эта мысль обрушилась на меня, как изголодавшийся дикарь, царапая спину острыми когтями. Смех, который я слышала, когда взорвалось лицо старика... Это ведь она смеялась. Нечто жуткое, чему я не могла подобрать имени, но что висело в воздухе – оно жило внутри гиены.

Набитое соломой тело таило в себе монстра. Смерть жила среди нас. И она сверлила меня своими стеклянными глазами. Ее взгляд впивался мне в затылок, она упивалась медвяным запахом моего маленького брата.

Жиль отпустил мою руку и повернулся к зверю. Он подошел к нему и положил руку на оскаленную морду. Я остолбенела. Сейчас она проснется и сожрет его.

Жиль упал на колени. Его губы дрожали. Он погладил гиену по мертвой шерсти, обнял за шею. Припал головой к огромной пасти.

Потом он начал всхлипывать, его воробьиное тельце сотрясилось от горя и ужаса. Словно абсцесс, который долго

созревал, теперь вскрылся – и страх выплескивался ему на щеки.

Я поняла, что это хороший знак, что в нем что-то сдвинулось, что внутренний механизм снова начал работать.

Несколько дней спустя на место мороженщика взяли другого человека. «Вальс цветов» вернулся под наши окна. Каждый вечер. Каждый вечер лицо, превратившееся в кусок мяса, возникало в моей голове. Каждый день – нечто мелькало, словно трескалось, в глазах моего брата. Эта музыка воздействовала на какой-то элемент внутри него, на какую-то центральную деталь механизма, производящую радость, с каждым днем разрушая его больше и больше, все безвозвратнее и непоправимее.

И каждый вечер я повторяла себе: ничего страшного, это всего лишь тупиковая ветвь моей жизни, и все в конце концов будет переписано набело.

Когда проезжал грузовик с мороженым, я старалась находиться рядом с Жилем. Я видела, что все его маленькое тело начинает дрожать, когда он слышит эту музыку.

Как-то вечером я не нашла Жилия ни в своей комнате, ни в моей, ни в саду. Тогда я вошла в комнату трупов, бесшумно, потому что отец был в гостинной.

Я нашла его там, сидящим рядом с гиеной. Он шептал что-то в ее огромное ухо. Я не расслышала, что он ей говорил. Когда он обнаружил мое присутствие, то посмотрел на

меня как-то странно. Мне показалось, что это гиена на меня посмотрела.

А вдруг взрыв сифона с кремом открыл какой-то тоннель в голове Жиля? И гиена воспользовалась этим тоннелем, чтобы проникнуть в голову брата и там поселиться? Или внедрить туда что-то зловредное?

Выражение, которое я увидела на лице Жиля, было ему не свойственно. Оно отдавало кровью и смертью. Зверь живет в этой комнате, он спит, потом просыпается и бродит по дому, об этом нельзя забывать. И я поняла, что теперь он живет внутри Жиля.

Мои родители ничего не заметили.

Отец был слишком занят новостями, растолковывая их матери. Мать была слишком занята тем, что боялась отца.

* * *

Надо начать строить эту машину для путешествий во времени как можно раньше. Я пошла к Монике, поскольку была уверена, что она сможет мне помочь.

Я спустилась в коготь дракона, дом стоял на своем месте, его, как всегда, ласкали солнечные пальцы.

Она открыла мне дверь в одном из своих длинных разноцветных платьев, с яркими цветами и порхающими бабочками. Она пригласила меня войти. Здесь по-прежнему пахло корицей. Я села на скамеечку, покрытую бараньей шкурой. Я

любила гладить ее – она была такая приятная на ощупь. Как та слоновая кость в комнате трупов: за ней чувствовалась какая-то мощь. Словно дух сильного животного еще жил в ней и мог чувствовать мою ласку.

Моника налила мне яблочного сока.

Ее лицо тоже как-то изменилось со дня смерти мороженщика. Что-то исчезло из него... Я не решилась сказать ей, что это моя вина, что это я тогда попросила крем шантильи. Об этом никто никогда не должен узнать.

Я рассказала ей о Жиле и о моей идее путешествия во времени.

– Понимаете, в фильме была машина, и ей нужно было невероятное количество энергии. Они применяли плутоний. А когда у них не было плутония, они использовали порох. Я могу найти машину и перестроить ее как надо, но я не могу сделать порох. Вы не знаете, можно ли вызвать грозу?

Она слегка улыбнулась, ее грусть сразу куда-то улетучилась.

– Да, я думаю, это возможно. Задницу порвать придется, работенка тяжелая, но я думаю, что это возможно. По крайней мере я о таком слыхала. Это смесь науки и магии. Если хочешь, я займусь грозой. Тебе придется много чего выучить по ходу пьесы. Но если ты этого и правда хочешь, у тебя получится, на это уйдет много времени, больше, чем ты предполагаешь, но у тебя получится. Как у Мари Кюри.

Я закусила губу.

– Батюшки мои, да ты не знаешь, кто такая Мари Кюри? Что там с вами целыми днями делают в школе? Бардак. Мари Кюри, ясно же! Мария Саломея Склодовская, вот ее настоящее имя. Она стала называться Кюри, когда вышла замуж за Пьера Кюри. Это первая женщина, которая получила Нобелевскую премию. Единственная и неповторимая в нобелевской истории, поскольку премий у нее было две: одну, по физике, она получила в 1903 году вместе с мужем за исследования в области радиации, потом Пьер умер – и бац – в 1911-м новая Нобелевка, на этот раз по химии, за работы о свойствах полония и радия. Именно она открыла эти два химических элемента. Полоний она назвала в честь своей родной страны, Польши. Ты небось таблицу Менделеева тоже никогда в жизни не видела?

Я отрицательно помотала головой.

– Эх, позор твоей школе. Она работала как безумная, всю жизнь. Вот ты когда-нибудь что-нибудь ломала? Руку? Или ногу?

– Да, ломала руку, когда мне было семь лет.

– Тебе делали рентген, чтобы определить, какой перелом?

– Да.

– Вот скажи спасибо Мари Кюри.

– А вы думаете, она сможет мне помочь? Где она живет?

– Нет, конечно. Она уже умерла. Из-за радиации. Но я сказала тебе это для того, чтобы ты поняла: если ты много работаешь над чем-то, у тебя может все получиться.

– Значит, если я доделаю машину, вы поможете мне с грозой?

– Чтоб мне пусто было!

Я вернулась домой. Успокоенная. У меня было решение, и я была не одинока.

Начала я прямо на следующий день. Я собрала все возможные источники о Мари Кюри, а также нашла трилогию «Назад в будущее». Я знала, что на это уйдет много времени. Но состояние Жилия каждый день напоминало мне о моем долге.

Лето закончилось. Потянулся учебный год, скучный и нудный, как и все остальные. Все свободное время я тратила на осуществление моего плана.

* * *

Настало следующее лето.

Состояние Жилия не улучшилось. Пустота в его глазах постепенно сменилась каким-то раскаленным, пронзительным, режущим светом. То, что жило внутри гиены, постепенно перекочевало в голову моего бедного братика. Там расположилась колония диких существ, питающаяся клетками его мозга. Эта прожорливая армия разоряла все на своем пути, сжигая девственные леса и оазисы, превращая их в выжженные равнины и болотистые пустоши.

Я любила его. И собиралась исправить все это. Ничто не

могло мне помешать. Несмотря даже на то, что он больше не играл со мной. И на то, что смех его стал зловещим, как кислотный дождь над маковым полем. Но я любила его, как мать любит свое больное дитя.

Его день рождения был 26 сентября. Я решила, что к этому дню все должно быть готово.

* * *

Отец только что вернулся из Гималаев, с охоты. Он привез с собой голову бурого медведя, которую триумфально повесил на стену. Чтобы освободить место, он вынужден был снять несколько голов оленей. Медвежью шкуру он положил на свой диван и валялся на ней каждый вечер перед телевизором.

Его не было дней двадцать. Мы все испытали облегчение, когда он уехал, и немного отдохнули за это время.

Несколько недель, предшествующих его отъезду, он был еще более нервным, чем обычно.

Как-то раз мы все вместе сидели за столом, и я знала, что сейчас он начнет гневаться. Мы все знали это: я, Жиль, мать и сам отец. Уже несколько дней подряд он возвращался с работы, напряженно сопя, сжав кулаки, и был готов взорваться в любую секунду. Каждый раз мы с Жилем прятались по комнатам, уверенные в том, что сегодня он не выдержит. Но ничего не происходило. И его нервозность накапливалась,

как метан в шахте.

И вот в один такой вечер мы сидели за столом. Каждый молча ел свою порцию. Жесты наши были продуманными и лаконичными. Никто не хотел быть ответственным за искру, которая вызовет взрыв.

Единственный звук, который был слышен в комнате, издавал отец – его мощные челюсти, перемалывающие большие куски мяса.

Стручки фасоли и картофельное пюре в его тарелке напоминали два атолла посреди моря крови.

Я пыталась заставить себя есть, чтобы максимально слиться с окружающей обстановкой. Но внутренности словно застряли в тугий узел. Я искоса поглядывала на отца, предчувствуя наступление катаклизма.

Он отложил приборы.

Тихо-тихо, едва слышно, на выдохе, он произнес:

– И ты называешь это «бифштекс с кровью»?

Мать побелела так, что можно было подумать, вся ее кровь перелилась в тарелку отца.

Она ничего не ответила. На этот вопрос просто не существовало ни одного правильного ответа.

Отец настаивал:

– Ну так что?

Она прошептала:

– В твоей тарелке полно крови.

Он процедил сквозь зубы:

– Значит, ты довольна собой?

Мать закрыла глаза. Эх, попалась.

Он схватил тарелку двумя своими жуткими кулачищами и вдребезги разбил об стол.

– КЕМ ТЫ СЕБЯ ВОЗОМНИЛА? НУ И БАРДАК.

Он схватил мать за волосы, ткнул ее лицом в пюре с осколками фарфора.

– ЭЙ! КЕМ ТЫ СЕБЯ ВОЗОМНИЛА? ЗНАЕШЬ, КТО ТЫ? ТЫ НИКТО! НИКТО!

Мать повизгивала от боли. Она не умоляла отпустить ее, не отбивалась, она знала, что это абсолютно бесполезно. На ее искаженном лице, разбитом неумолимой рукой отца, я могла теперь различить только кривившийся от ужаса рот. Мы все знали, что в этот раз будет хуже, чем во все остальные.

Жиль и я сидели неподвижно, словно приклеенные к стульям. Нам и в голову не пришло уйти в наши комнаты. О таких вещах нужно было думать заранее, пока «это» не началось. Обычно гнев отца прорывался после ужина, и никогда – во время. Поэтому мы довольно редко были его свидетелями.

Он схватил мать за волосы и несколько раз приложил ее об стол, в одно и то же место, на осколки тарелки. Я уже не понимала, на столе кровь из стейка или это кровь матери. А потом я вспомнила, что все это не имеет значения, потому что я вернусь в прошлое и все переделаю. И ничего подоб-

ного в моем новом будущем не будет.

Когда отец успокоился, я взяла Жилия за руку, и мы поднялись в мою комнату. Спрятались под одеяло. Я рассказала ему, что мы находимся в яйце страуса, потому что играем с Моникой в прятки. Что все это игра, не более чем игра. Просто игра.

На следующий день отец отправился охотиться в Гималаи, и мы снова могли дышать полной грудью.

* * *

Через несколько дней после возвращения отца мы с Жилем вместе с матерью отправились за покупками.

Мы прошли через зоомагазин, потому что ей нужно было купить витаминизированную добавку к корму для коз. Магазин представлял собой огромный склад, в котором можно было найти что угодно: и товары для домашних животных, и для скота. Мать любила поболтать с одним продавцом. Это был сын фермера, он знал о животных абсолютно все. Мы с Жилем пользовались этим, чтобы пойти порезвиться на тюках соломы. Они были навалены на площади нескольких квадратных метров, это была неприступная крепость. Только надо было опасаться дыр. Один месье рассказал мне, что в его семье случилось несчастье: ребенок умер, провалившись в отверстие между тюками.

В магазине раздавали щенков маленькой собачки, кото-

рая жила при складе, порода – что-то вроде жесткошерстного джек-рассела. Мне казалось, что она похожа на старую щетку для обуви. Я спросила мать, не хочет ли она взять одного щенка. Она была, похоже, не против, но окончательное решение было за отцом.

В тот же вечер я пришла в гостиную поговорить с ним. Поскольку он некоторое время назад добыл своего медведя, он был спокоен.

Время от времени, вместо того чтобы смотреть телевизор, он ставил музыку. Клода Франсуа. Это случалось редко. Но в тот вечер было именно так. Я подошла к дивану, стараясь производить как можно меньше шума. Папа этого не любил, всякий там шум. Он был действительно очень-очень спокоен. Сидел прямо, руки на коленях, и не шевелился.

Начинало темнеть, и дневной свет уже почти не проникал в комнату. Лицо отца тонуло в полумраке. Клод Франсуа пел «Телефон плачет». У отца на щеке плясал солнечный отблеск. Я присела рядом с ним на диване.

– Папа?

Он подпрыгнул от неожиданности, провел рукой по отблеску, чтобы смахнуть его с лица, потом ругнулся, но не так ужасно ругнулся, как обычно. Гораздо более мягко, спокойно.

Я потом спрашивала себя, почему же он тогда плакал. Особенно когда играла эта песня. Я знала, что он никогда не

видел своего отца, но никто не объяснил мне почему. Может, он умер? Или бросил семью и сына? А может, от него скрыли, что у него родился сын? Во всяком случае, отсутствие отца, казалось мне, проело дыру в груди отца, под рубашкой, и никому не удавалось ее заткнуть. Эта дыра засасывала и размалывала все, что попадалось ей на пути. Наверное, поэтому он никогда не брал меня на руки. Я понимала его и никогда на него за это не обижалась.

– Папа, скажи, а вот сегодня в зоомагазине были щенки, и я хотела спросить тебя, можно ли мне взять одного?

Он внимательно посмотрел на меня. Вид у него был усталый, словно он только что проиграл сражение.

– Хорошо, крошка моя...

Крошка моя... Я подумала, что мое сердце разорвется на части. Крошка. Отец назвал меня: «Крошка моя». Эти два маленьких словечка крутились у меня в ушах, как светлячки, а потом нырнули мне в грудь и там угнездились. Я еще несколько дней ощущала внутри их неяркий свет.

* * *

На следующий день мать пошла с нами за щенком.

Жиль погладил их всех по очереди. Он не улыбался, но вроде ему это было на пользу, ему, похоже, нравилось трогать руками теплые пушистые комочки.

Я сказала ему:

– Ты выбираешь щенка, а я выбираю ему имя, хорошо?
Он приподнял того, что лежал у него на коленях.

– Вот этого.

Продавец со склада сказал:

– Это девочка.

Я сказала:

– Назовем ее Кюри. Как Мари Кюри.

Я подумала, что это принесет мне счастье. Возможно, это привлечет внимание Мари Кюри – там, наверху, в раю, если рай действительно существует, – и она поддержит меня.

Когда мы вернулись домой, я увела Жилия и Кюри в лабиринт мертвых машин. Во-первых, чтобы познакомить с этим местом Кюри, а во-вторых, потому что мне надо было выбрать машину, на которой я смогу путешествовать во времени.

Пересекая кукурузное поле, мы встретили детей из Демо. Банду Дерек. Я не очень-то их любила. Им лишь бы подраться. Не то чтобы я так обожала скакалочки и кукол Барби, мне тоже нравилось драться, но понарошку. Чтобы увидеть, кто сильнее, а не для того, чтобы причинить боль. А эти кусались и наносили болезненные удары в солнечное сплетение. Особенно Дерек. У него был странный шрам возле рта, оттого на лице застыла недобрая гримаса, словно вечная кривая улыбка, не исчезающая, даже когда он был в ярости. А он всегда был в ярости, ярость укоренилась в нем, свила гнездо в белокурых волосах.

Кроме того, Дерек и его банда обижали Жиля, потому что он был маленький. Поэтому если мы их видели, то старались избежать встречи.

Они увидели нас издали, и Дерек закричал: «Хей, богатые детки!»

Он говорил так потому, что наш дом был немного больше, чем остальные дома в Демо. И потому что у нас был надувной бассейн.

Мы сделали вид, что не заметили их, и побежали в сторону лабиринта.

Там было множество новых машин, которые появились недавно, и я пыталась их все опробовать до самого вечера. Потому что их было много, а еще потому, что Жиль не хотел мне помочь. Он сидел в стороне и чертил на песке палочкой какие-то узоры.

Я заметила каркас машины, который выглядел поцелее остальных. Красивая красная машинка, немножко похожая на «Делореан» Дока Эметта Брауна¹. Мне представилось, что она умерла от старости, а не от поломки.

Теперь мне нужно было снова идти к Монике.

* * *

На следующий день после появления в нашем доме Кюри

¹ Главный герой фильма «Назад в будущее».

мать отправилась к гравировщику. Она заказала ей именной ошейник. Мать всегда была очень внимательна к животным. Я сидела и смотрела на маленький кружок металла, на котором с одной стороны был выгравирован наш номер телефона, а с другой имя – Карри. Сугу.

Я никогда не испытывала никаких особенных чувств к матери, кроме глубочайшего сострадания. Но в ту секунду, когда мой взгляд упал на эти пять букв, все сострадание немедленно растворилось в луже черного зловонного презрения.

Я решила переименовать щенка в Склововску. Может, Мари Кюри понравится еще больше, если я назову свою собачку ее девичьей фамилией.

Но Склововская – это как-то слишком длинно, трудно выговаривать. И для простоты я ее сократила до Довки.

Это рассмешило отца, который стал называть ее Водка.

Конечно же, я выбросила жетон с именем и сказала родителям, что Довка его потеряла.

* * *

Я снова пошла в гости к Монике. Я примерно поняла, что нужно делать с автомобилем, чтобы переделать его в машину времени.

Когда я подошла к ее дому, она сидела у крыльца, оплетенная солнечными лучами. Она устроилась на толстом стволе дерева, покрытом разноцветным вязаным пледом, и лепила

на гончарном круге вазу. Некоторое время я тайком наблюдала за ней.

Ее худые мускулистые руки, усыпанные веснушками, ее золотистая кожа, пахнувшая кардамоном, ее длинные глаза и взгляд индейской принцессы, наверное, когда-то служили причиной пополнения сумасшедших домов за счет безнадежно влюбленных.

Когда она увидела меня, она поздоровалась своим глубоким голосом, напоминающим о морских просторах:

– Ух ты! Давненько она не появлялась в наших краях. Как жизнь, девчонка?

Я рассказала ей все, что узнала о путешествиях во времени, и о цели, намеченной на 26 сентября.

Читая биографию Мари Кюри, я поняла, что хочу быть как она – человеком, который не боится занять свое место в жизни, сыграть предназначенную ей роль и добиться прогресса в науке.

Она засмеялась:

– О. Круто, детка!

Я спросила, удалось ли ей что-то предпринять по поводу грозы.

Она сказала, что ей нужен какой-нибудь магический предмет.

– Что-то незаменимое. Неважно, насколько дорогой будет это вещь, главное – незаменимая. Драгоценный для тебя или для кого-то из твоих близких предмет. Чем больше эта вещь

будет наполнена эмоциональным и чувственным содержанием, тем более мощной получится магия и тем больше шансов, что все получится. Когда ты найдешь этот предмет, приходи ко мне. Кроме того, знай: я могу вызвать грозу только в полнолуние.

В голове немедленно зародилась идея. Я знаю идеальный предмет. Кровь застыла в жилах от ужаса. Это была безумная идея – но при этом единственно правильная.

– Тогда я снова приду к вам и принесу предмет, когда машина будет готова. В конце лета.

Я отправилась в сторону дома. Мне хотелось прогуляться с Довкой по полям. Может быть, Жиль захочет пойти со мной. Даже учитывая, что в последнее время он не отрывается от своего геймбоя. Иногда он все-таки соглашается поиграть со мной в прятки в кукурузном поле. Огромные острые листья режут нам щеки и руки. Вечером после таких прятков в кукурузе кожа моя горит, и я обещаю себе никогда больше этого не делать.

Когда я вернулась, я не нашла Довку в саду. Я проверила, нет ли ее на подушечке в гостиной – она там любила спать, щенки много спят. Но там ее тоже не было.

Я спросила у матери, но она только вернулась из магазина и тоже ее не видела. На ее лице все еще были видны следы великого гнева отца. Дольше всего заживал глубокий порез под правым глазом.

Она помогла мне искать Довку, мы обшарили весь дом,

сад, загон для козочек – никаких следов. Жиль тоже ее не видел. Он опять сидел возле гиены. Мать отругала его, ведь он не имел права там находиться. Если отец узнает...

Железные пальцы паники сомкнулись на моем горле, сжимая его все сильнее. Точно так же, как в тот вечер, когда погиб мороженщик. Почему я не взяла Довку с собой, когда пошла к Монике?

Надо было расширить область поисков. Если ее нет на нашей территории, далеко уйти она не могла. Где-то в Демо или в лесу. Но надо спешить.

Мать отправилась в сторону леса. Мы с Жилем пошли по поселку. Я подумала, что она, возможно, встретится с Моникой. При других обстоятельствах я бы охотно оказалась там, чтобы увидеть эту встречу. Но сейчас были дела поважнее.

День был жаркий, душный. Один из тех летних дней, когда небо в конце концов становится свинцово-серого цвета и разражается гроза, пахнувшая горячим асфальтом.

Мы с Жилем бежали и звонили во все двери.

Я была счастлива, что он согласился мне помочь.

Как маленькие коммивояжеры, мы переходили от порога к порогу, повторяя одни и те же фразы.

Люди были по большей части добры к нам. Особенно одна молодая пара. Нам открыла дверь девушка, высокая и тоненькая, как тростинка, хрупкая и нежная, с крохотным младенцем на руках. Она приятно пахла пластилином. Тростин-

ка позвала своего жениха, парня еще выше ее ростом, с обнаженным татуированным торсом, очень мускулистого. С гордостью влюбленной женщины Тростинка сказала: «чемпион по карате». Она восхитилась, какие мы с Жилем хорошенькие и воспитанные дети. Они дали нам апельсинового сока. Я заметила, что Жиль пристально смотрит на ребенка, он давно ничего так внимательно не рассматривал. Чемпион по карате явно был обеспокоен судьбой Довки. Я не могла удержаться и внимательно вглядывалась в топографию его торса, рельефные мускулы под кожей, выступающие вены... Я подумала, что он похож на дикого мустанга. Мощное, нервное, но ласковое животное. Мне захотелось, чтобы он взял меня на руки. Что-то теплое, приятное разлилось у меня в животе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.